

ИРИНА ВОРОБЕЙ

КУКОЛКА

Ничего и не было

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ирина Воробей
Куколка. Ничего и не было
Серия «Длинный список 2020 года
Премии «Электронная буква»»

*<https://litres.ru/54967399>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Провалив экзамен, Татьяна решила напиться и зашла в первый попавшийся бар. Самоуверенный бармен напоил ее, и утром она проснулась в его квартире.

Такое с Татьяной никогда не случилось и, казалось, что и не может случиться. Она ведь была послушной дочерью. Всю свою жизнь посвятила балету. Мама оградила ее от всех неприятностей жизни. Ей надо было только стараться и не сходить с намеченного пути.

И стоило однажды сойти, теперь вся жизнь наизнанку

в меру нахал и не совсем нежный цветочек # оба неидеальны
и катают друг друга на эмоциональных горках # та еще мать #
много сложностей и обстоятельств # проблемы отцов и детей
самоопределение # глубокие чувства # наивная героиня #
самоуверенный герой # сложные отношения # сильные эмоции #
бармен и балерина

1 ч. трилогии. Отдельно читать не получится

Содержание

Глава 1. Неудовлетворительно (1)	4
Глава 1. Неудовлетворительно (2)	16
Глава 2. Секс, кино и мозаика (1)	29
Глава 2. Секс, кино и мозаика (2)	41
Глава 2. Секс, кино и мозаика (3)	51
Глава 2. Секс, кино и мозаика (4)	61
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Ирина Воробей

Куколка. Ничего и не было

Глава 1. Неудовлетворительно (1)

«Напьюсь здесь», – решила Татьяна. Впервые в жизни. И еле оттянула старинную дверь с латунными ручками, которая вела в подвальное помещение.

Войдя, она сразу почувствовала на себе внимательный взгляд. Смотрел бармен, один из трех, в черной футболке, с темно-русыми волосами и косой усмешкой. В руках, жилистых и сильных, он держал комок белой тряпки. Татьяна невольно всмотрелась в эти веселые карие глаза, которые изучали ее нахально, будто всегда имели на это право и только сейчас решили им воспользоваться.

От неловкости она даже дыхание затаила, растерялась, остановилась на пороге. Не двигалась, пока ее не оглушила электронная музыка с грубыми, заставляющими вибрировать все тело, басами. Примитивные биты совпадали с ритмом ее сердца.

Татьяна наконец вырвалась из плена карего взгляда и огляделась. Компании покрупнее смеялись за столиками. Парочки ворковали по углам. Барную стойку преимущественно облепили одиночки. Татьяна присоединилась к ним,

просто потому что не нашла иного места, и села на самый край, подальше от глазастого бармена.

Сразу стало жарко. Она сняла с себя шарф, плащ и лишь в конце шляпу. Как только убор лег на столешницу, послышался мужской голос:

– Привет, Подсолнух, – бармен глянул на широкополую горчичную шляпу, которую Татьяну придерживала рукой. – Чего желаешь?

Она раскрыла рот от возмущения его фамильярностью, но не нашла что сказать, поэтому закрыла обратно. Парень задорно улыбался, разглядывая ее лицо, которое розовело и нагревалось. «От негодования», – убеждала себя Татьяна. Хотя в голову лезли навязчивые мысли о том, какие у него глубокие глаза, добрая улыбка и крепкие руки. Ей бы хотелось, чтобы эти руки сжали ее, хрупкую и тонкую, в объятиях. Но дымка слабости тут же развеялась. Татьяна кашлянула для уверенности и, стараясь не отводить взгляда, ответила:

– Во-первых, мы с вами не знакомы, чтобы вы обращались ко мне на «ты». Во-вторых, я – не подсолнух! В-третьих, полагаюсь на ваш вкус.

– Окей. Мне нравится секс на пляже. Сделаем? – бармен легко проигнорировал ее замечания.

– Что?!

В сознании за секунду пробежала целая тысяча мыслей, среди которых было и разочарование. Несмотря на всю свою

наглость, парень производил приятное впечатление. Где-то глубоко, из-под толстого слоя маминих нравоучений, даже мелькнуло потаенное желание согласиться на дерзкое предложение, но Татьяна отмахнулась от него, как привыкла делать со всеми глупыми идеями, которые мама не одобряла.

– Я польщена, что вы информируете меня о своих интимных предпочтениях, но я хотела бы что-нибудь выпить.

Бармен в голос рассмеялся.

– Это коктейль... так называется. Тропический, свежий, сладковатый. Солнечный, как и ты.

Он подмигнул. Татьяна насупилась, поняв, что оплошала. «Кто придумывает такие дурацкие названия?» – досадовала про себя. Но потом, успокоительно кивнув, согласилась. Жар стыда от собственного невежества выступил румянцем на худых щеках.

– Семьсот рублей, – сказал бармен.

Татьяна не ожидала такой высокой цены, ведь здешний пролетарский интерьер обещал дешевизну всего, но не стала подавать виду. Она и так опозорилась ниже плинтуса, поэтому молча и с неохотой расплатилась картой. Стипендию ей особо тратить было не на что, но на нее с такими ценами она здесь вряд ли могла напиться.

Оплатив заказ, Татьяна демонстративно отвернулась. Решила изучить обстановку и людей вокруг, лишь бы не краснеть под его пристальным взглядом.

Небольшое помещение расширял высокий потолок. На

нем проглядывали бетон и все коммуникации, которые специально выпятили наружу вместо того, чтобы скрыть. Освещало зал множество тусклых ламп накаливания, какими пользовались еще в девятнадцатом веке. Они придавали таинственности, навевая пугающие мысли о том, что могло твориться в этом темном подвале столетие назад.

Наперекор всей мрачности окружения стена справа от входа была отделана разноцветной керамической мозаикой, каждая крупница которой приятно поблескивала в почти фонарном свете. На изображении дирижабль уходил хвостом в крутую перспективу. Вокруг него плотными воздушными сгустками вились облака во всех оттенках синего. Небо углублялось цветом индиго, в нем точками горели звезды. Все пространство картины прорезали зигзагообразные молнии разной длины, тоже созданные из белых плиточек. Внизу под дирижаблем панорамно был представлен город, словно с высоты полета самолета. Поверх всего тонкой пленкой серебрились косые линии дождя, слепленные из прозрачных мелких стеклышек. Дирижабль несмотря на грозу поднимался ввысь. А в самом-самом низу были грубо написаны краской три буквы: «VDM», которые неизвестно что означали.

Татьяна не умела ценить искусство, но эта картина ей понравилась с первого взгляда, потому что имела эмоциональную глубину. И внушала надежду. Она сама не понимала, на что, ведь надеяться ей теперь было не на что и не на кого.

Сегодня был важный день, но Татьяна его провалила. Она

старалась из последних сил. Изматывала свой организм до предела. По утрам расшатывались нервы, в обед страдал желудок, вечером болели ноги. Но больше всего ныло сердце. За маму.

Татьяна боялась даже представлять, как она будет расстроена. Мама ведь вложила в нее всю душу, лишь бы она танцевала и исполнила мамину несбывшуюся мечту – стать примой. Мама избавила Татьяну от всех забот, оборудовала комнату специальным покрытием и станком для дополнительных тренировок, исполняла все ее прихоти, сама работала не покладая рук. Ни на секунду не сомневалась, что получится. И чем больше мама верила, тем больше Татьяна ее подводила. Хотя из кожи вон лезла, чтобы оправдать маминны ожидания. И до последнего года это кое-как получалось.

День начался стандартно. Как и предыдущие дни за все восемь лет, что она училась в академии. Ранний подъем, плотный завтрак, разминка и толкотня в автобусе в час пик до места учебы. Небольшая прогулка под дождем. Кусочек серого неба. Глоток запыленного воздуха. Наконец, деревянные двери здания-памятника архитектуры.

Внутри длинный коридор, полутемный, полусонный, в котором вполне могли завестись и прижиться привидения. Потом большой и светлый зал со спертым воздухом, впитавшим в себя пот тысяч студентов. А затем тренировки, прыжки, фуэте и многое другое, что изнурили до изнеможения. Опять нужно было демонстрировать легкость и четкость выверен-

ных движений. Вновь мучить тело с целью восхитить чужие взгляды. Снова пытаться передать красоту через боль и терпение.

Этот день отличался только одной маленькой деталью – наличием экзаменационной комиссии, состоящей из важных людей в театральной сфере, от степени восхищения которых во многом зависела судьба выпускников.

Татьяна вспоминала, как готовилась к выступлению на экзамене, как стояла под дверью зала и пыталась усмирить сердце, как влетали в прыжке высокая и воздушная Муравьева, затем ловкая и быстрая Даша, а потом пришлось и ей, слабой и дрожащей.

Первый прыжок дался несложно, но ноги становились ватными, чуть не сломались на приземлении. Затем фуэте. Муравьева справилась превосходно. Устремила длинную, изящную ногу вверх, обернулась и упорхнула в дальний угол. Сердце Татьяны забилося в такт аплодисментам, которыми разразилась комиссия после Муравьевой. За ней повторила то же самое Даша. Настал ее черед.

Она оторвала онемевшую ногу от земли, подтолкнула себя вперед и хотела вспорхнуть как Муравьева, но с грохотом приземлилась на гладкий пол, словно неоперившийся цыпленок. Поймала испуганный взгляд Муравьевой, услышала краем уха, как цокнула Даша, и взглянула на испещренное морщинами лицо Афанасия Семеновича Прохорова, ректора академии, сидевшего в центре комиссии. Уголки его губ

опустились, и кривой рот сжался в легком недовольстве.

Остальные судьи смотрели на Татьяну, как на камень. И она ощущала себя им. Отвердевшим от стечения времени, закаленным тяжелыми условиями, неподъемным, но легко разрушимым, если бить в определенную точку, валуном. И эта тяжесть не дала ей совершить следующий прыжок. Ноги словно обмякли. Боль оцепила стопу. Минутная жалость, промелькнувшая в глазах Муравьевой, сковала Татьяне сердце. Получилось неудовлетворительно.

– Прошу, – услышала она приятный голос бармена.

Татьяна не понимала, как так выходило, что сам он весь ее раздражал, но все по отдельности в нем нравилось.

Она повернулась обратно к стойке, на которой стоял фигурный бокал с оранжевой жидкостью и со льдом внутри. На стенке висела крупная долька апельсина. Из жидкости торчали две трубочки: одна – прямая, а вторая – изогнутая буквой «Г», и бумажный мини-зонтик. Татьяна уже подумала, что бармен специально вставил две трубочки, ведь она видела в кино, как парень с девушкой флиртуют, пока пьют коктейль из одного бокала, но, осмотревшись по сторонам, поняла, что у всех посетителей с коктейлями так, и прикусила губу.

Татьяна глотнула на пробу немного. Спирт почти не ощущался, его перебивали свежие и сладкие соки и сиропы. Вкус оказался экзотическим и насыщенным. Захотелось еще, и Татьяна сделала большой глоток.

– Интересно, а на «Поцелуй на пляже» ты бы согласилась?

Парень заманчиво улыбнулся. Белоснежная, хоть и неровная, с выступающими вперед верхними клыками, улыбка волновала Татьяну. Снова где-то на дне подсознания она ответила «да», но внешне сохраняла холодное спокойствие, как привыкла делать всегда, когда парни пытались с ней заигрывать.

Мама учила, что настоящая женщина должна немножко пренебрегать мужчиной, дабы подольше сохранить его интерес. На собственном опыте Татьяна чаще сталкивалась с обратным эффектом: видя ее неприступность, парни быстро отставали. В большинстве случаев это был желанный результат, но иногда хотелось, чтобы незнакомец пытался еще.

Она хмыкнула, одарив бармена коронным высокомерным взглядом.

– А что, есть и такой коктейль? – самодовольство от собственной находчивости сквозило в голосе.

– Сейчас будет, – хмыкнул он.

Парень отошел к зеркальной стене, полностью завешанной стеклянными полками и уставленной бутылками. Взял несколько из них, уже опустошенных наполовину, и смешал в шейкере. Затем порезал фрукты туда же, добавил пару специй, расколол лед и начал все это трясти. Через пару минут перед Татьяной возник второй коктейль: розоватого цвета, тоже со льдом, но теперь помимо трубочек его украшала долька лайма, а внутри плавали кусочки зеленого винограда.

– Комплимент от шеф-бармена, – ухмыльнулся парень. – Попробуй. Если понравится, включим в меню.

Татьяна еле сдержала улыбку в уголках губ. Ей понравилось, как он быстро и ловко придумал и сделал новый коктейль. Специально для нее. Но голос мамы в голове звенел как пожарная сигнализация и предупреждал: «Будь сдержанней! Пренебрегай!». Поэтому, прежде чем сделать глоток, она спросила о цене.

– Это же комплимент, – бармен раскрыл ладонь, как бы жестом показывал, что все даром, но тут же опроверг свои действия. – Поэтому всего пятьсот рублей.

Татьяна нахмурилась и отодвинула бокал от себя, решив закончить на этом флирт, но он весело засмеялся и пододвинул бокал обратно к ней.

– За счет заведения. В целях дегустации.

Она недоверчиво взглянула на весельчака и попробовала новый напиток. Он оказался еще вкуснее и насыщенней, чем предыдущий. В нем было все ровно то, что нравилось Татьяне: и сладость, и кислинка, и свежесть. Но признаться в этом она посчитала лишним. В приверженности стратегии матери самым верным шагом ей показалось отвергнуть этот комплимент.

– Ну, как тебе «*Поцелуй* на пляже»?

– Приторно. «Секс» лучше, – выдала она экспертное мнение.

– Полностью с тобой согласен, – с энтузиазмом подхватил

парень. – Секс всегда лучше поцелуя.

Татьяна опять с трудом сдержала улыбку, хоть в уме и пристыдила его за похабную шутку. На ее тонкой коже смущение всегда очень сильно выделялось, поэтому оставалось уповать только на приглушенный и неотчетливый свет дизайнерских ламп. Ему в лицо она закатила глаза и продолжила пить свой «Секс на пляже», который после «Поцелуя» казался пресным. Парень смотрел все так же нахально.

Сидящая рядом пара попросила повторить им напитки, и бармен принялся исполнять заказ, уйдя в другой конец стойки. Татьяна наблюдала за ним: как резко он двигался, как небрежно подкидывал фрукты, как успевал параллельно посмеяться с уже пьяными клиентками, как что-то объяснял коллегам, то и дело отвлекающим его от работы. Свободные и четкие движения завораживали.

Он совершенно не стеснялся себя, не держал спину идеально прямо и не беспокоился о том, как уложены волосы. Они торчали во все стороны, и это не смотрелось уродливо. Напротив, даже лучше, чем вылизанная гелем и аккуратно укладываемая часами прическа. Мятное поло следовало бы погладить, а лучше выбросить, ибо оно уже почти выцвело (у Татьяны имелись небезосновательные подозрения, что раньше оно имело насыщенно-зеленый цвет), но и это его не смущало. Несмотря на весь свой несовершенный вид, он держался уверенно и, что главное, свободно. Татьяне этого доставало.

Чтобы чувствовать себя комфортно, ей приходилось долго и упорно приводить внешний облик в порядок. Аккуратности от нее требовали преподаватели, мама и даже подружки, которые сами страдали от того же, но больше всего требований предъявляла к себе она сама. Поэтому Татьяна смотрела на бармена широкими глазами, как на представителя иной цивилизации.

Она думала, что парень не замечает ее, но потом он вдруг подмигнул из противоположного угла. Татьяне тут же захотелось спрятаться под стойку. Она сделала вид, будто уронила что-то и наклонилась за этим, чтобы перевести дух. Щеки обожгло жаром. Кожа в мгновение стала пунцовой. Наклон был не самым лучшим выходом в этой ситуации, ведь кровь еще больше прилила к голове, но Татьяна осознала это, только когда поднялась. Бармен уже стоял напротив нее.

– Нашла, что искала? – он попытался заглянуть за стойку, но столешница была широкой, поэтому даже с высоты его роста это бы не удалось сделать.

– Да, спасибо, – Татьяна поправила обтягивающее платье.

Чтобы хоть как-то отвлечь от себя внимание, она увела лицо в сторону и потянула из трубочки коктейль, да так сильно, что выпила зараз почти все. В бокале остался один только лед.

– Повторить?

– Да, пожалуй.

Татьяна уже и забыла, почему хотела напиток, но то, что

хотела напиться, не забыла. Теперь появился новый повод. Ей стало стыдно, что он так легко словил ее на подглядывании. «Пренебрегай! Он же тебе никто! Почему ты волнуешься?» – пыталась настроить она себя на нужный лад.

Глава 1. Неудовлетворительно (2)

Пока бармен готовил коктейль, Татьяна хотела оглядеться, посмотреть на людей, что они делают, что пьют, кем друг другу приходится, но взгляд постоянно возвращался за барную стойку. Все остальные казались неинтересными. Татьяна винила в этом громкий шум перемалывания льда в шейкере, который тряс парень. Хотя рядом то же самое делали другие бармены, но на них Татьяна не обращала внимания.

Пользуясь моментами, пока он разговаривал с другими посетителями или с коллегами, она с неприкрытым любопытством наблюдала за барменом. Рассматривала мимику, искренний смех, резкие жесты, татуировки на руках. Разобраться в этой разноцветной каше оказалось сложно, но Татьяна настойчиво пыталась. Даже выделила в хаосе линий и красок очертания хвоста дракона, но вот его морду найти уже не удалось, потому что парень пропал за шторками.

Только теперь она смогла оглядеться и вслушаться в пустые разговоры окружающих. Людей волновало разное. Кто-то выяснял отношения, кто-то обсуждал хоккей неактуально в мае, кто-то делился дорожными приключениями. У каждого была своя жизнь.

А у Татьяны вся жизнь была один сплошной балет. И она вдруг почувствовала себя ущербной от этого. Балет для нее закончился, закрылся навсегда, а она осталась. Без смысла,

без цели, без надежды. Все, ради чего они с мамой работали столько лет, испарилось одним махом. Такая тягучая тоска взяла Татьяну за душу, что она присосалась губами к трубочке и потянула в себя успокаивающую жидкость. Хотелось заполнить угнетающую пустоту.

– О чем пьешь? – внезапно появился бармен, будто умел трансгрессировать¹.

– В смысле?

Татьяна поежилась на стуле, который сразу показался ей неудобным.

– Ну, повод есть?

– Это обязательно?

– В твоем случае да, – с апломбом профессионала проговорил парень. – Ты явно пьешь в первый, максимум второй, раз в жизни. Пьешь одна. В незнакомом баре. Вроде ничего не ждешь. Судя по оптимистичному наряду, – он оглядел ее белое платье с крупными желтыми цветами, – похороны близкого отпадают. На отчаявшуюся девственницу, которая решила напиться и потерять невинность с первым встречным, ты не похожа.

– С чего вы взяли? Может, я как раз девственница, – нахмурилась Татьяна и натянула платье ближе к коленям.

– Но не отчаявшаяся же, – он усмехнулся. – В твои-то годы и с твоей-то внешностью.

---

¹ Трансгрессировать – отсылка к вселенной «Гарри Поттера» Дж. Роулинг. Трансгрессия – перемещение в пространстве за считанные секунды.

– Видимо, стоит принимать это за комплимент? – она непроизвольно кокетничала, а потом сама себя остановила и опустила растерянный взгляд.

– Ну, если сойдет за комплимент, тем лучше, – парень снова широко улыбнулся. – И все же? Я думаю, проблемы в учебе.

Татьяна не хотела изливать душу первому попавшемуся бармену, даже если он был так мил и красив. Тем более потому, что он был так мил и красив. Не хотелось рассказывать ему, какая она неудачница.

– Не ваше дело, – Татьяна отвернулась и сделала глоток, оказалось, последний.

Бармен это заметил и легким движением руки достал из-под стойки два шота. Правой схватил бутылку с прозрачной жидкостью и разлил по стопкам, разбрызгав при этом прилично много на барную стойку. Потом достал кофейное блюдо с уже нарезанными дольками лайма. Пальцами обсыпал тонкие края солью и, подвинув один шот Татьяне, взял себе второй.

– Свое дело я делаю, – без издевки улыбнулся он, приподнял стопку в честь нее и выпил залпом, не поморщившись, а затем высосал из лайма весь сок и кинул его куда-то под стойку, жестом показывая повторять за ним.

Татьяна не без опаски сделала то же самое. Жидкость на вкус была едкой, обжигающей, а вперемешку с солью давала двойной эффект. Пищеводом она чувствовала, как горечь

опускается на дно почти пустого желудка. От этой ядовитости Татьяна зажмурилась и забыла взять лайм. Парень почти впихнул ей закуску в зубы. Кислота немного приглушила горечь, но послевкусие все равно оказалось малоприятным.

– Что это было?

– Текила. Мексиканская водка.

– Гадость, – все еще морщилась Татьяна.

Наступила недолгая пауза. Парень как будто ждал ответа на ранее заданный вопрос, а она ждала продолжения разговора, но в другом русле. Он вдруг отступил и перестал брать инициативу. От этого стало неловко. Но только ей. Бармен же безо всякого стеснения разглядывал ее с головы до груди, насколько позволяла стойка.

– А ты о чем пьешь? – спросила Татьяна с любопытством.

– Ни о чем, – удивился парень. – Я же бармен.

– Мне кажется, это уже повод выпить.

Он вопросительно взглянул на нее.

– Ну, неужели ты доволен своей жизнью?

– Ты ничего не знаешь о моей жизни. С чего бы мне быть недовольным?

– Ну, хотя бы с того, что ты бармен.

Парень поднял бровь.

– Поясни.

– Ну, ты всю жизнь планируешь быть барменом? Мама всегда говорила мне, что эта работа является дном социальной лестницы без возможности подняться. Она имела дело с

барменами в молодости. Она знает, о чем говорит.

Татьяна смотрела с вызовом. Парень немного опешил. По лицу пробежала микроэмоция гнева, но он тут же пришел в себя и усмехнулся. Татьяна осознала свою грубость и покраснела. Он не заслужил такого обращения.

Да, он был барменом, обслуживающим ее, без перспектив на будущее и с большой вероятностью остаться на дне общества, но это ведь не повод его оскорблять. Мама учила, что к таким людям нужно относиться снисходительно. Но глядя на этого парня, Татьяна не могла его жалеть. Он был красив, молод, пышел здоровьем и харизмой и совсем не производил впечатления несчастного неудачника. Татьяна и сама не понимала, почему вдруг заговорила об этом, потому винила во всем алкоголь. В глубине души ей хотелось его задеть, но получилось не за ту струну.

– Мама, разумеется, херни не скажет. Но ты не думала, что это только лишь ее опыт? – бармен уставился на нее в упор.

Слишком прямой взгляд смутил Татьяну. Ресницы задрожали. Она не нашлась, что ответить, да и, оказалось, не требовалось. Он рассудительно продолжал.

– Я не говорю, что меня впереди ждут горы золота и всемирный почет, но, судя по опыту моих знакомых, успеха можно добиться в любой области, – парень взмахнул рукой в никуда, но глаза не увел. – И вообще, все в жизни субъективно. Не все гонятся за славой и деньгами. Я стараюсь жить так, чтобы в будущем сильно ни о чем не сожалеть. И пока

все так и происходит, – он пожал плечами, опустив уголки рта. – Может, стандартного успеха в деньгах я пока не добился, но не обязательно всем добиваться успеха, если понимать его только как результат.

– Ну, почему сразу в деньгах? Успех может выражаться в уважении, в признании публики, – возражала Татьяна, а у самой в голове крутилась фраза «Не обязательно всем добиваться успеха». Новую идею еще предстояло осмыслить.

– И не только в этом. Успех тоже субъективен. Он может выражаться даже в чужих успехах. Как, например, у моего друга-тренера по шахматам. Для меня успех может заключаться и в самом процессе, если он приносит удовольствие.

Одурманенный текилой мозг Татьяны глубоко задумался над его словами. Она зависла и перестала реагировать на бармена, углубившись в свои переживания. Парень только хмыкнул и снова отошел выполнять чей-то заказ.

Мысли крутились бешеным хороводом в голове Татьяны, но ни одну она не могла поймать за хвост и додумать. Они просто то выныривали из общего потока на секунду, ошеломляя ее, то пропадали вновь, погружаясь на самое темное дно души. Думалось сразу обо всем, вспоминались мамыны нотации и советы преподавателей, дурацкие мемы и подбадривающие мотиваторы. Среди прочего крутилась и фраза бармена о концепции успеха как процесса. Она прокручивала ее раз за разом, словно пыталась изучить со всех ракурсов, но пока не осознавала.

Выйдя из транса, Татьяна увидела, как две девушки приставали к бармену. Одна уселась на стойку, выпячивая свои прелести наружу, чуть ли не ему в лицо. Парень только посмеивался, но реагировал на такой откровенный соблазн весьма спокойно, будто уже немало насмотрелся.

Татьяна фыркнула на такую пошлость и отвернулась. Ей вдруг стало неловко за представительниц своего пола. С другой стороны, она им даже завидовала, тому, что они могут вести себя так раскрепощенно и не стыдиться этого. Она себе такого ни в каком пьяном угаре позволить не смогла бы.

Когда коктейль закончился, Татьяна с желанием принялась за тот «приторный», пользуясь моментом, пока бармен ее не видит. Алкоголя в нем было явно больше, потому что он чувствовался на вкус. Обрамлял его дынный сироп. Свежести добавляли мята и арбуз. Лед уже немного подтаял и разбавил коктейль пресной водой, но в сладости он потерял немного.

Люди вокруг отдыхали и веселились. Справа большая компания поразила весь бар громогласным хохотом. Его приглушила мелодия в стиле латиноамериканских танцев. Под такую бедра сами шли в пляс. Танцплощадка в центре бара потихоньку заполнялась. Татьяна тоже стала покачивать головой в такт музыке.

– Я смотрю, от безысходности тебе пришлось выпить и «Поцелуй»? – услышала она уже знакомый сарказм. – Бедняжка.

– Кхм-кхм. Я просто хотела напиться. А так он отвратительный!

В подтверждение своих слов Татьяна отодвинула почти пустой бокал и скрестила руки на груди.

– Если хочешь быстро напиться, мой способ эффективнее. И не такой приторный, – бармен подмигнул. – Еще по шоту?

Она кивнула. Парень повторил манипуляции со стопками и текилой. Они снова выпили. На этот раз Татьяна заранее приготовила дольку лайма и успела сразу им закусить. Так было чуточку вкуснее. Действительно, текила работала быстро и качественно. Сознание закружилось. Говорить стало сложнее, а хоровод мыслей превращался в ураган.

– Так о чем все-таки пьешь? – повторил вопрос бармен трезво и настойчиво.

В сознании Татьяны все расплывалось. Голова отяжелела. Захотелось подпереть ее одной рукой, а самой облокотиться на стойку. Боль, которую она тщательно пыталась скрыть от всех и в первую очередь от себя самой, притупилась. И все воспринималось теперь не таким важным, каким было всего пару часов назад.

– Будущее свое хороню, – неожиданно для себя ответила Татьяна.

– А вскрытие что показало?

Она улыбнулась такой постановке вопроса. Парень был совершенно серьезен и даже немного напряжен. Навострил

слух, чтобы слышать ее тонкий голос из-под насыщенной музыки, потому что Татьяна говорила откровеннее и тише. Он уперся обеими руками в барную стойку, а глазами впился в ее красное от духоты и алкоголя лицо.

– Врожденный порок неудачницы, – Татьяна зажмурилась, чтобы сдержать слезы, которые, наоборот, выкатились из глаз. Одна из них разбилась о сосновую столешницу, а вторая впиталась в цветоложе одного из подсолнухов на платье.

– Я знал, что дело в учебе.

На лице бармена промелькнуло выражение торжества и застыло в самодовольной улыбке.

– Не совсем, – Татьяна заплакала.

Вспомнила, как мама впервые поставила ее у станка. Она была тогда еще в том возрасте, когда воспоминания не сохранялись. Но это запечатлелось. Всего один эпизод: молодая мама улыбается, подводит ее к перекладине на двух ножках, похожей на маленькую вешалку, и показывает, как вставить в первую позицию. Татьяне больно и неудобно, и она плачет. А мама не реагирует и выкручивает ей лодыжки. Дальше Татьяна помнила себя лишь такой, которая легко могла встать не только в первую, но и во вторую, и в третью позицию.

А сегодня она стояла у станка в экзаменационном зале, как та трехлетняя девочка. Ей было больно и неудобно, хотелось плакать. Но рядом была уже не мама, а пятеро мало-знакомых людей, суровых, ожидающих от нее великих свер-

шений и превосходного мастерства, которым она не владела. Вставая после падения, Татьяна услышала очень тихое замечание от Прохорова: «Кривоножка». В опустошенных глазах экзаменаторов, потерявшим к ее выступлению всякий интерес, Татьяна увидела собственное будущее: густую тьму, полную безызвестность, пустоту одиночества, безделье и ненужность. Не дав ей закончить, Афанасий Семенович тяжело вздохнул, стараясь не смотреть на Татьяну, будто видеть ее больше не мог, и сухо попросил позвать следующего.

Алкоголь приглушал боль, сжигающую все нутро, но этот же алкоголь развязывал язык, расслаблял нервы и выпускал эмоции наружу. Татьяна сама не понимала, что с ней происходит. Она ведь никогда до этого не была пьяна и не думала, что может так запросто взять и расплакаться перед незнакомцем в публичном месте.

– Кто ему дал право называть меня «кривоножкой»? Да, я упала, но с кем ведь не бывает. Он же педагог, в конце концов! – Татьяна начала возмущенным тоном, но постепенно скатилась на жалостливый писк и всхлипывания. Хоровод мыслей почти неосознанно вытекал наружу. – А Муравьева сказала, что балет – это не мое. Да какого черта?! Это не ей решать, мое это или нет. Но самое обидное, что она права. Это не я!

Она ударила ладонью о стол и разрыдалась.

– Это все мама. Она хотела, чтобы я стала прима-балериной, раз у нее не получилось. А я... я ее подвела... Она все

делала, чтобы я только занималась, она так в меня верила... – Татьяна все ниже опускала голову на стойку. Хотелось выбить саму из себя. – Я разбила ей сердце. Она меня не простит. Я должна была лучше стараться. Но я не могла. Я и так из последних сил танцевала. Я, правда, я, правда, не могла...

Она посмотрела на бармена с извинением, представляя мамино лицо, шмыгнула носом, осознав, что мамы здесь нет, и снова проревела: «Ааа». Парень вздохнул, но не перебивал. И Татьяна не останавливалась. Выплескивала все до последней мысли.

– Муравьева – балерина от бога, а я так... Никчемность! Неужели все это было зря?! Столько сил! У меня ведь даже детства нормального не было. Только балет. Эти вечные тренировки, репетиции, спектакли. Жесткий график, жесткие диеты. И все только смеются над тобой. Даже подружки... У меня и парня никогда не было. Из-за этого гребаного балета... А теперь все напрасно. Надо же так... провалиться на госе! Меня теперь не допустят к выпускному спектаклю. И восемь лет – в трубу!

Татьяна рыдала в голос, грудь сильно раздувалась и сдувалась, слезы текли ручьями. Люди в баре оборачивались на них. Бармен озирался и неловко пожимал плечами. Вид у него был потерянный и в то же время сочувствующий. Он достал из-под стойки бумажные салфетки и протянул Татьяне. Она их приняла с благодарностью и высморкалась.

– Еще шот, – сказала, слегка успокоившись.

Парень убрал грязные салфетки и положил перед ней почти целую пачку чистых, а затем приготовил еще одну стопку текилы.

– А ты? – жалостливо спросила Татьяна, глядя на одинокий шот перед собой.

Бармен молча налил и себе. Так же молча они выпили. И потом еще какое-то время молчали. Парень смотрел на нее с любопытством и эмпатией, а Татьяна отводила опухшие красные глаза. Ей стало стыдно и за то, что она неудачная балерина, и за то, что расплакалась перед ним, и за то, как сейчас выглядела. Представляла себя размякшей помидориной, увлажненной рассолом из слез.

К ее счастью, бармена позвали две девушки с другой стороны стойки, теперь еле стоящие на ногах. От них исходил пар – они только что вернулись с танцпола. Щеки у обеих были красные, волосы растрепаны, юбки, и без того мини, задраны до неприличия. Их заметно шатало. Держась за стойку, обе выпячивали полуголые попы на всевидение. На это быстро среагировали парни с танцпола и примкнули сзади.

Татьяна испугалась, что может довести себя до такого же состояния. Теперь ей ничто не казалось невозможным. Она осмотрелась по сторонам. Бар под завязку заполнился опьяневшей толпой, напоминавшей банку с червями. Танцующие так же некрасиво извивались под плавную музыку, чуть ли не обвивая друг друга. Но на лицах под глянцевым слоем пота блестело удовольствие. Толпа заряжала весь бар своей

энергетикой. Татьяна заметила, что даже сидящие за столами двигались под музыку.

Потихоньку плавные звуки, стягивающие движения, духота, смешанные запахи и больше всего алкоголь расплавили Татьянино сознание. Она легла головой на барную стойку. Теперь было плевать, что стало с ее любимой шляпой, и с сумочкой, и, наконец, с ней самой. Сзади она почувствовала объятие потных рук. Кто-то что-то говорил ей на ухо, называл красоткой, о чем-то спрашивал. Потом она услышала едва узнаваемый за приступом гнева голос бармена. Руки тут же отлипли от нее. Где-то на заднем фоне Татьяна еще различала музыку и крики. Потом мягкие руки подняли ее голову, бармен что-то озадаченно говорил ей в лицо, но она уже не разбирала и отключилась.

***

*Кому интересно, **визуалы героев** есть в моих соцсетях (ссылка на странице автора в [разделе "Об авторе"](#))*

Глава 2. Секс, кино и мозаика (1)

Сначала в Татьяне проснулся желудок. Он заурчал вперед того, как она открыла глаза. А потом о себе дала знать голова, точнее, расколотая на тысячи кусочков черепная коробка. Возникло стойкое ощущение, что мозг весь вытек, и внутри образовался вакуум. Сознание кружилось, как в невесомости. По крайней мере, Татьяна так себе невесомость представляла.

Она перевернулась на бок и только потом открыла опущие веки. Постельное белье сильно пахло кондиционером. Татьяна поморщила носик и протерла глаза. Приподнявшись на локте и схватившись за голову, осмотрелась.

Она лежала на раздвижном диване напротив окна, зашторенного портьерами шоколадного цвета. Светлые, с едва различимым геометрическим узором, обои кое-где отклеивались от стен. Древесно-серый ламинат на полу изрядно протерся. Сбоку от дивана стоял компьютерный стол, заваленный мелочевкой. Над ним висел плоский, но масштабный телевизор. Провода, как лианы, оплетали все вокруг и около. Зеркало на дверце шкафа-купе треснуло. По правую сторону окна находился стеллаж с книгами, мятой бумагой и разбросанной канцелярией.

Татьяна даже с похмелья ужаснулась тому, до чего хозяин довел эту квартиру своей неряшливостью. У них дома не бы-

ло ни пылинки. Став директором танцевальной студии, мама даже уборщицу наняла, потому что сама уже не успевала заниматься домашними делами, но жить в такой грязи не могла себе позволить.

У окна Татьяна заметила кресло-кровать. И на нем кто-то спал. Она непроизвольно громко ахнула и тем самым разбудила его.

Парень вскочил на постели и в испуге огляделся. Когда его взгляд поймал Татьянин силуэт, оба вскрикнули.

– Это... твой дом? – спросила она, признав в незнакомце вчерашнего бармена.

– Ага, – кивнул он ошеломленно.

На секунду Татьяна успокоилась, но после заперезживала: «О, черт, что было?». Первыми в голову пришли самые страшные версии развития событий. Она тут же осмотрела себя: платье плотно обтягивало фигуру, по ощущениям бюстгальтер и трусы тоже, и колготки давили на живот. Ее никто и не пытался раздеть. И спали они на разных кроватях. Татьяна с облегчением выдохнула.

– Что я здесь делаю?

– Ты меня узнаешь хоть? – тряхнул головой парень.

– Да. Ты бармен. Мы пили текилу.

– Отлично, – он улыбнулся. – А потом ты внезапно вырубилась. К тебе пристал какой-то мерзкий тип. Я его отвадил, но не знал, что с тобой делать, не знал ведь твоего адреса или знакомых. Телефон был заблокирован. В общем, пришлось

везти к себе. Только не подумай, я не распускал руки.

Он выставил ладони вперед и торопливо ими замахал, якобы подтверждая свою непричастность. Татьяну это позабавило. Его искренняя улыбка располагала к доверию. Глаза слегка щурились. В них читалась растерянность и в то же время расслабленность. Но Татьяна резко вскрикнула, заставив и его встрепенуться.

– О, черт, мама! Мама меня убьет!

Парень застыл.

– Черт! Черт!! Черт!!! – причитала Татьяна, рыская рукой по постели в поисках смартфона.

– Телефон в сумке. Сумка в прихожей, – указал парень спокойным голосом, что сильно разнилось с ее полубешеным состоянием.

Татьяна соскочила с дивана и побежала к двери. Перед ней открылся темный коридор, в конце которого в общую черноту смешались тумба, одежда и обувь. В монохромной куче она легко отыскала белую сумочку и дрожащими руками достала смартфон. Он был разряжен. Зарядное устройство Татьяна с собой никогда не носила, потому что батареи с лихвой хватало на день, ведь некогда было пользоваться телефоном, а ночевала она всегда дома.

– Черт!

Татьяна плюхнулась на пол в полном непонимании, что делать дальше. Мама наверняка оставила тысячу пропущенных вызовов и полтора миллиона сообщений, допросила Да-

шу, близняшек и всех преподавателей, обзвонила все больницы и морги, устроила скандал в полицейском участке и подала заявку в «Liza Alert»², а сама бегала полночи по улицам, ища ее в каждой помойке, пока не свалилась от бессилия в каком-нибудь глухом переулке.

Татьяне очень захотелось позвонить ей и все рассказать, но потом она одумалась. Мама ведь ее вообще в порошок сотрет, если узнает, что она, сбежав после проваленного экзамена, напилась и переночевала у первого встречного.

«Она точно не поверит, что я после такого девственница», – испугалась Татьяна. Хотя ее саму терзали сомнения на этот счет, но хотелось верить бармену.

Было необходимо что-то срочно придумать. Татьяна совсем забыла, где и с кем находится, пока пыталась напрячь больную голову сгенерировать хорошее оправдание всей этой ситуации. Но пропитанный спиртом мозг очень туго соображал.

Вскоре в коридоре показался парень с вопросительным выражением лица.

– Все в порядке? – говорил он так, будто стеснялся.

– Разумеется, нет! – раздражилась Татьяна, сидя на полу к нему спиной. – Я не знаю, что сказать маме. Со мной еще никогда такого не случалось! Она меня убьет. Надо что-то придумать. У тебя есть зарядка?

---

² «Liza Alert» [Лиза Алерт] – организация, занимающаяся поисками пропавших людей

– Ну, для моего телефона есть, конечно. Не знаю, подойдет ли тебе.

Он снова исчез в комнате и вернулся через минуту с белым блоком питания в руке. Татьяна взяла USB-провод и сравнила с выходом на своем телефоне. Было очевидно, что разъемы не совпадали, но она все равно попыталась вставить провод. Ничего не вышло. В бессильной злобе она швырнула зарядное устройство на пол. Парень спокойно поднял его, пробормотав:

– Аккуратнее, мне это, вообще-то, нужно.

Татьяна не обратила внимания, делала вид, что сосредоточенно думает о важном. На самом деле, просто злилась и проклинала себя и весь белый свет за то, что с ней вчера случилось. Будто это не она упала во время экзамена, будто не она сбежала от всех сразу после, будто не сама решила напиться в попутном баре. Она сидела спиной, но парень мог чувствовать разряды маленьких молний, испускаемых ее напряженным телом.

– Я могу воспользоваться твоим телефоном? – чуть менее раздраженно спросила Татьяна.

Он молча протянул телефон. Она набрала номер мамы и позвонила. Пока шли гудки, сердце успело сжаться до размеров атома, отдаваясь в груди соответствующей болью. Оно боялось даже биться, но потом волнение взяло верх, и пульс резко участился. Чем дольше мама не отвечала, тем быстрее раздавались удары. Наконец, Татьяна услышала знако-

мый голос. Он был встревожен.

– Мам, это я.

– Куколка, где ты?! Ты в порядке?!

– Д-да, все х-хорошо, – Татьяна растерялась. Соображать срочно в стрессовой ситуации не было ее сильной стороной.

– Ты понимаешь, что я уже все возможные телефонные номера обзвонила в поисках тебя! Где ты была, неблагодарная?! Ты хоть понимаешь, я всю ночь не спала! Места себе не находила! Я одновременно рада и очень-оочень-ооочень зла.

Татьяна вся сжалась под этими криками, хоть они и были всего лишь в телефонной трубке.

– Маам... я все объясню, – проговорила виновато. – Но главное, со мной все хорошо. Ты не переживай.

– Разумеется, с тобой все хорошо! А матери вот плохо! Меня чуть инфаркт не хватил! На маму тебе совсем плевать? Сначала провалила экзамен, а потом пошла шляться где-то всю ночь и звонит сама невинность, – мама так орала в трубку, что каждое слово разносилось по прихожей эхом. – Я, значит, улаживаю ее провал на экзамене, звонила тут Прохорову, унижалась, лишь бы тебе тройку поставили, а с ней, видите ли, все хорошо! Раз у тебя такое отношение к матери, не знаю, где ты и с кем, но домой можешь не возвращаться.

Раздались короткие гудки. Татьяна не сразу все осознала. Просидела минуту в шоке, проклиная собственную трусость. Потом увидела зеркало и захотела посмотреть на себя, несчастную. Лицо было опухшим. Обычно тонкие черты

расплылись и погрубели. Растрепанные волосы походили на паутину, так же пушились и путались. От природы пепельные совсем потускнели. А серые глаза покраснели. В уголках засохли слезы вперемешку с тушью, превратившись в сухие черные корочки, которые тут же осыпались на щеки, когда Татьяна попыталась их стереть. Тональный крем растекся по всему лицу. Помада побагровела и расползлась по щекам с обеих сторон.

Захотелось рыдать, и она заплакала.

– Эй, ты чего? Не такая уж ты и страшная... – попытался пошутить парень.

Татьяна пуще разревелась. Он обнял ее, не сильно прижимая к себе, и аккуратно гладил ладонью по голове, пока она не успокоилась. Тогда, придя в себя, Татьяна застыла от неприличной близости, резко затихла и отпихнула его за плечи. Сердце опять заколотилось. Но не от страха.

Парень отпрянул и закачал головой. Большие карие глаза извинялись. Она в них вглядывалась, постепенно заливаясь краской стыда. Вспомнила, как непривлекательно выглядит сейчас. Срочно требовалось привести себя в порядок. Татьяна только смогла причесать неаккуратную прядь на плече. Словно прочитав ее мысли, он показал, где ванная, и оставил ее там на добрых полчаса.

Холодная вода благоприятно сказалась на лице и самочувствии в целом. Пухлость спала, с ней и краснота. Сняв испорченный макияж, Татьяна ощутила, как задышала кожа.

После горячего душа все ее тело расслабилось, ломота пропала, голова стала соображать быстрее.

Парень гостеприимно предложил надеть его футболку и шорты, которые были настолько широки, что просто спадали с ее худенькой талии. Зато футболка по длине сошла за платье, и Татьяна решила обойтись только ей. В объятиях просторного хлопка она почувствовала себя гораздо комфортнее, чем в облегающем ситце и синтетических колготках.

После всех этих, казалось бы, стандартных процедур ее самочувствие и вместе с ним настроение улучшилось. Из ванной Татьяна вышла снова изящной и спокойной.

Парень хозяйничал на кухне. Пахло молочной кашей и кофе. Когда Татьяна показалась в проеме двери, он снимал с плиты маленькую кастрюльку. Там еще бурлила густая рисовая масса. Он бросил туда кусочек сливочного масла, а затем порезанное кубиками яблоко, и перемешал. Татьянин желудок заурчал во весь голос. Парень обернулся.

– Уже готово, – сказал улыбочиво и поставил на стол две тарелки, наполненные кашей. – Кофе пьешь?

Татьяна кивнула, усаживаясь за стол перед одной из тарелок. Она, как голодный хищник, облизнула губы, предвкушая интересную трапезу, ведь не знала, какой должна оказаться рисовая каша на вкус. На протяжении всей жизни мама кормила ее на завтрак геркулесом. Татьяна обожала овсянку и не представляла свое утро иначе. А здесь было что-то другое, неизведанное, но пахло вкусно.

Она с любопытством набрала ложкой небольшую горку. Вкус поразил ее. Татьяна и раньше ела отдельно рис, отдельно яблоки и отдельно пробовала молоко, но никогда вместе. Каша оказалась сладкой и нежной с легкой фруктовой кислинкой. Это было непривычно. Первые две ложки Татьяна посмаковала, как гурман.

Вскоре перед ней возникла и чашка с черным кофе.

– А что сливок нет? – с претензией спросила она. Мама всегда готовила для нее молочный кофе.

Парень хмыкнул и достал из холодильника бутылку молока.

– А подогреть? – Татьяна пила кофе только горячим. Остывший он терял в насыщенности.

Поджав губы, парень исполнил ее просьбу.

– Спасибо, – довольно сказала Татьяна.

Парень усмехнулся и сел напротив. Сперва глотнул кофе, только потом приступил к каше.

– Приятного аппетита, – весело пожелала она и отправила очередную ложку в рот.

– Хм, давно мне никто не желал приятного аппетита за завтраком. Спасибо. Тебе тоже.

Татьянин взгляд тут же уловил «холостяцкость» его квартиры. Когда-то ремонт здесь делался с любовью и вниманием, на которое способна только женщина, желающая обустроить домашний очаг, но давно. Все потускнело. Здесь царил относительный порядок. Вещи лежали на своих местах, по-

крытые пылью. Татьяна сделала вывод, что парень пользовался кухней мало.

На столешнице гарнитура в ряд стояли бутылки с различными этикетками и наименованиями алкогольных напитков, что сразу выдавало его род деятельности. На холодильнике висела всего пара магнитиков и то рекламных, а не тех, которые привозят из отпусков. Не было никаких семейных фотографий, что Татьяну удивило, ведь мама любила вывешивать их совместные снимки и специально для памятных событий купила пробковую доску на кухню. Эта же квартира копила в себе только пыль и никаких следов семейной жизни.

Из декора на стене осталось плоское блюдо для главного яства праздничного стола, запеченной утки или пышного торта. Блюдо было стандартным, белым, с цветочным рисунком в центре и тонкими узорами на ободке. Интересным его делали уродливые линии, пронизавшие всю плоскость целиком, как шрамы, которые остаются на вечную память. Его явно собрали из осколков, идеально ровно.

Татьяне стало любопытно, почему парню давно никто не желал приятного аппетита и где его родители.

– Давно ты один живешь? – как можно деликатнее спросила она.

– Почти год. Как девушка меня бросила.

Он не поднимал глаз, фокусируясь на каше. Татьяна решила не продолжать тему. Она рассчитывала побольше узнать о его семье, а не о девушке, но сделала вывод, что родители

не живут здесь еще дольше.

– Что будешь делать? – спросил он после минутной паузы.

– Не знаю, – вздохнув, Татьяна уставилась в магнит на холодильнике, рекламирующий доставку пиццы. – Надо что-то придумать в свое оправдание и снова позвонить маме.

– Почему просто не сказать правду?

– Ты что?! Мама никогда мне такое не простит. Она меня и так не простит. А так вообще убьет.

– Она... деспот?

– Нет, конечно, – с чувством ответила Татьяна. – Просто она меня очень любит. И переживает. И она в меня очень верила, все для меня делала, а я...

– Да, ты рассказывала вчера, – кивнул парень.

Она вытаращила миндалевидные глаза, отчего они стали круглыми.

– Не помнишь? – он усмехнулся. – Ты напилась и разрыдалась. И рассказала все про экзамен, про мать, преподавателя и Муравьеву. Про то, какая ты неудачница, и что у тебя, считай, не было жизни...

– Не продолжай, – перебила Татьяна, покраснев, и от волнения начала поглощать кашу с еще большим аппетитом и еще большими порциями, будто хотела заесть стыд. Но это не помогло.

Доев кашу, она взялась за кофе. Напиток оказался на вкус горьковато-пряным, разбавленным корицей и кардамоном. Он был ровно такой крепости, которая требовалась, чтобы

взбодриться от похмелья. Татьяна впервые задумалась о времени и посмотрела на круглые часы над дверью. Они показывали половину первого.

– Я просто хотел сказать, что, возможно, какие-то вещи ты принимаешь серьезнее, чем нужно, – парень взгляделся в Татьянино лицо. – Твоя мать не истина в последней инстанции, как и преподаватель или Муравьева. Даже если она так в тебя верила, ты ей ничего не должна. Она сам вкладывала в тебя свою веру, без гарантий и процентов. Может, балет, действительно, не твое. И еще не поздно над этим задуматься.

Татьяна молча пила кофе, хмуря тонкие брови. Он посмотрел со вниманием, ожидая реакции, но за утешающей речью ничего не последовало.

– Пока не решишь, что делать, можешь оставаться здесь. У меня сегодня как раз выходной.

– Спасибо, – она улыбнулась.

Глава 2. Секс, кино и мозаика (2)

Завтрак они докончили молча. Парень, попивая кофе, читал новостную ленту в телефоне, а Татьяна глядела в окно. За ним стояла чудесная погода. От недельных ливней и след простыл. Небо расцвело во всей синеве. Только на горизонте плавали остатки вчерашних грозовых туч, отливая фиолетовым. В окнах отражалось зенитное солнце, приносящее в город лето. Все готовилось цвести и пахнуть. Начиналась новая жизнь.

При такой погоде грех было страдать и плакать. Все призывало двигаться дальше. Татьяна желала бы только знать, в каком направлении. Сейчас ей даже домой путь был закрыт. К ее счастью, вчерашний бармен, абсолютно незнакомый человек, оказался добрым и даже порядочным. Она и не надеялась на такое бескорыстное отношение. Мама всегда учила, что все мужики – козлы, что им нужно только одно, поэтому стоит ими пренебрегать, манипулировать и получать от них лишь необходимое, включая секс. Татьяна и до сих пор в это верила, ведь не имела никогда близких отношений с противоположным полом.

Но вот первый ее опыт ночевки вне дома, наедине в квартире с незнакомым парнем, по крайней мере, пока проходил хорошо. Она чувствовала себя здесь в безопасности, как минимум не чувствовала от него угрозы. Он даже не смотрел

на нее сейчас, а с интересом читал новости. Он ее накормил, позволил здесь остаться и не попросил ничего взамен. Он не походил на козла. Хотя его почему-то бросила девушка. «Девушки, наверное, просто так не бросают, – подумалось Татьяне. – Значит, он тоже чем-то плох».

Она внимательнее присмотрелась к парню. Он показался еще красивее, чем вчера. Был спортивен. Имел гладкую и белую кожу. Губы, четко очерченные линией, не толстые и не тонкие, могли бы прописать в стандарте мужской внешности, если бы такой составили. Вел он себя уверенно, но без высокомерия. Даже умел готовить. Каша показалась Татьяне вкуснее всех яств на свете, хотя она подозревала, что ее критичность в этом плане притупилась диким голодом, ибо она не ела ничего со вчерашнего обеда.

Мысли прервал яркий экран смартфона, неожиданно оказавшийся перед глазами. На нем высвечивалась красочная картинка с бытовым юмористическим посылом. Татьяна улыбнулась. Такое случалось с каждым. Парень тоже улыбался. Потом заблокировал телефон и, сделав последний глоток кофе, поставил грязную пиалу и чашку в раковину.

– У нас самообслуживание, – предупредил он, указывая на ее посуду.

– Я должна это помыть? – переспросила она.

– Ну, предполагается. Я, конечно, гостеприимный, но не настолько, – он оскалился и принялся мыть все то, что уже валялось в раковине.

Образ прекрасного рыцаря в розовых доспехах распылился перед Татьяной. Такими вещами она дома не занималась. Мама облагородила ее от бытовой рутины, ведь у нее была более важная миссия – танцевать и учиться. И она с ней не справилась. В груди уплотнилась обида.

– Смотри, что хочешь, пока я занят, – парень кивнул на смартфон, оставленный на столе. – Только не порно.

Татьяна выпучила на него глаза и залилась смущением по самые веки, а он ухмылялся, как ни в чем не бывало.

– Я такое не смотрю, – в ней все благородство вознегодовало. Но сразу вспомнилось, как подружки, близнецы Лиза и Вера показывали короткое видео, где мужчина с женщиной занимались сексом. Татьяна против воли увлеклась – просто впервые видела такие откровенные сцены. Она хотела бы вычеркнуть это из памяти, оттого только пуще раскраснелась и перевела взгляд на смартфон.

Потухший экран отражал пространство вокруг.

– Зря. Помогает разрядиться, – парень отвернулся обратно к раковине и добавил тише. – Тебе бы не помешало.

Татьяна внутренне возмутилась, но рот не смогла открыть. Слишком щепетильная тема поднялась.

– Так что? Будешь смотреть что-нибудь?

Она не знала, что ответить. Во-первых, не хотела лезть в чужой телефон (мало ли там могло прийти какое-нибудь личное сообщение со всплывающим уведомлением), во-вторых, смотреть ей было нечего. Для расслабления она все-

гда выбирала мультики. Ей нравилась анимация любого качества и содержания. Но говорить об этом стало стыдно, даже больше, чем о порнографии, потому что подружки всегда подтрунивали над ее «детскостью».

– Нет, я просто посижу, – Татьяна отвернулась к окну.

– Ну, как хочешь, а я посмотрю...

– Только не порно, – почти инстинктивно выпалила она.

Парень расхохотался.

– Не бойся, у меня подписка на порнхабе закончилась.

Татьяна накрыла себе рот рукой, ужасаясь про себя, но продолжать этот разговор не хотела. Он их заводил куда-то не в ту степь.

Вскоре послышался бодрый голос блогера, который вещал новости художественного мира. Татьяна в искусстве не разбиралась, но почему-то слушала и пыталась что-то понять, несмотря на обилие слэнга и специальных терминов. Слуху просто деваться было некуда. Громкость телефона заглушала обеденные шумы города.

Когда парень уступил ей место перед раковиной, Татьяна недовольно вздохнула, но согласилась, решив, что он заслужил благодарность.

Вокруг раковины все намокло. Опасаясь испачкать футболку, Татьяна встала в неудобную позу, слегка выпятив зад и наклонив корпус. Такое положение показалось ей безопасным от брызг. С усилием сдерживая отвращение, она взяла уже рванную губку для посуды, в которой еще остались ма-

ленькие кусочки пищи. Татьяна сначала постирала саму губку, а затем вымыла ей тарелку. Дело оказалось несложным. Она быстро справилась и в конце осталась довольна собой. Пальчики даже не сморщились от воды. Маникюр остался на ногтях таким же ровным и цельным.

– Ну, чем займемся? – парень уперся руками в бока. – Из развлечений могу предложить только секс, кино и мозаику. От первого думаю, ты сразу откажешься, но попытаться стоило.

Он улыбнулся. Во взгляде не было никакого сексуального влечения, скорее, равнодушие. Парень смотрел просто, без эмоций и пристального интереса. Татьяна сначала смутилась при слове «секс», но еще не забыла их откровенный разговор до этого и решила, что развязнее уже некуда, поэтому не стала возмущаться и даже посмеялась.

– А что за мозаика?

– Хобби мое. Я собираю мозаику из осколков керамики. Сейчас как раз работаю над одним проектом. Заинтересовало?

Татьяна не была уверена, что хочет этим заниматься, но любознательность взяла верх, ведь она никогда не собирала мозаику и не видела, как ее делают. Никогда и не интересовалась этим. По городу, на станциях метро и в дизайнах интерьеров публичных заведений она встречала целые мозаичные полотна, изображающие масштабные действия или гигантские портреты, но ничто ее не восхищало. На уроках ис-

тории искусств в академии Татьяна всегда боролась со сном. Однако первый вариант развлечения казался ей невозможным, а второй – банальным, потому она согласилась на третий.

Татьяна последовала за парнем в комнату, где они спали. Помещение, очевидно, являлось всем одновременно: и спальней, и гостиной, и даже столовой – на журнальном столике валялась грязная тарелка с вилкой. Парень предложил ей посидеть в кресле, которое специально сложил, скинув покрывало. Он так и спал без постельного белья. Татьяна уселась с комфортом, обняв обеими руками декоративную подушку, пока он готовил мозаику и инструменты в другой комнате.

В стеллаже на глаза ей попала большая коллекция DVD-дисков с фильмами, среди которых было много анимационных. Спросонок и с бодуна она приняла их за книги. Оказалось, что книг в этом стеллаже не нашлось ни одной. Татьяна стала разглядывать названия фильмов, пытаясь найти те, что не смотрела. И заметила логику их расположения на полках – по жанрам и странам. Здесь присутствовала неплохая коллекция японской анимации, меньший по количеству, но не по значимости сборник французских мультфильмов, диснеевская и советская классика и много чего другого. Татьяна нашла целых десять наименований, которые не видела.

– У тебя неплохая коллекция, – заметила она, держа в руке несколько дисков, когда парень показался в проеме гости-

ной.

– Это старые дивидишки. Я уже и сам про них забыл. Надо выбросить, наверное.

– Лучше мне отдай, – подхватила Татьяна. – Тут есть мультики, которые я не смотрела. Японские, в основном. А я люблю аниме. Что-нибудь в стиле Миядзаки.

– Да можешь хоть все забирать, если нужно. Я и не думал, что кто-то еще пользуется дивиди-дисками.

Жестом парень позвал ее во второе помещение, которое наполовину оказалось кладовой, а на другую половину – мастерской. Меньшая по площади, комната имела продолговатую форму и хорошо освещалась за счет окна. Вдоль обеих стен стояли трехуровневые стеллажи из необработанного дерева, где хранилась всякая всячина в коробках, ящиках и просто так.

На полках вперемешку валялись материалы, инструменты и сами работы. Татьяна оценила разнообразие техник, которыми парень, судя по всему, владел. Среди уже сделанного она выделила и масляные пейзажи на холстах, и карандашные наброски на обычной бумаге, и мозаики разных объемов и фактур. В углу даже стоял стол с компьютером и графическим планшетом, а под ними валялись банки аэрозолей. А еще тут хранились всякие смеси, похожие на строительные, тяжелые инструменты, подходящие для пыток, и много осколков разного, которые когда-то были другими вещами: посудой, плиткой и бог весть чем еще.

– Я тут решил еще один цвет добавить, поэтому нам сначала надо будет побить тарелки – сказал парень с улыбкой, доставая со стеллажа блюда морского цвета.

– Прямо здесь? – удивилась Татьяна. Помещение вдруг показалось ей слишком маленьким для этого.

– Ну, да. Об пол. Я так стресс снимаю порой. Тебе, видимо, тоже надо.

Он вручил Татьяне пластмассовые защитные очки. Сам надел такие же. Тарелки поставил на стол рядом с компьютером и протянул одну ей. Она взяла тарелку, все еще не понимая, как это будет выглядеть.

Все было просто и безумно. Парень швырнул тарелку об пол. Она разбилась не с первого раза и не на тысячи кусочков, а всего лишь раскололась на два. Он взял каждую часть и по отдельности снова бросил на пол. Осколков стало еще больше. Парень продолжил это делать, пока размер осколков его не устроил.

Затем жестом показал сделать то же самое Татьяне, отойдя на пару шагов назад. Она несмело и оттого очень слабо бросила, скорее, уронила тарелку на пол. Та покрутилась на выступающем ребрышке дна и встала ровно, словно ее подали на стол.

– Не бойся, – подбадривал парень. – Это всего лишь тарелка. Пол не обвалится, если ты бросишь ее сильнее.

Татьяна приложила больше усилий, и тарелка раскололась на три части. Дальше стало легче.

Они бросали посуду, смеясь и выкрикивая ликующие междометия. Осколки разлетались во все стороны по мастерской, словно тяжелые конфетти. Татьяне понравилось разрушать нечто цельное. И это, действительно, помогало бороться со стрессом. Злость раскалывалась и разлеталась вместе с тарелками. Осколки выходили неровными, острыми, квадратными и многоугольными. У нее получалось много мелких. Парень почти всегда добивался нужного размера. Татьяна оценила его навык.

Было весело, но продлилось недолго. Тарелки быстро закончились, а Татьяна только вошла в азарт.

– Да, мне тоже всегда мало, – парень уловил ее досаду и полез за осколками под стеллаж.

Татьяна помогла ему собрать все в тазик.

– Расстели пока газеты, я буду спускать все.

Он кивнул на стопку под окном. Татьяна послушно взяла несколько верхних разворотов и разложила по полу, заполнив бумагой все свободное от мебели пространство.

А парень сверху выкладывал керамику и бумагу, клей и ведра с грунтовой основой, сетки и инструменты. Затем протянул Татьяне диванную подушку, которая валялась на стуле, а сам сел прямо на пол и начал объяснять, как со всем этим работать.

– В общем, это называется метод обратного набора. Надо класть осколки лицом вниз, понятно? – он посмотрел Татьяне в глаза. Она с убеждением кивнула. Пока все звучало про-

сто. Парень улыбнулся и продолжил объяснять. – Потом я это заливаю специальным составом и получится гладкое и четкое изображение. Абсолютно плоское.

Он оскалился, будто уже получил идеальный результат, хотя полотно было заполнено меньше чем на половину. Татьяна невольно улыбнулась этому.

Глава 2. Секс, кино и мозаика (3)

Пока он рассказывал, как и что надо делать, она изучала будущую картину. На ней проглядывал только черный космос с маленькими звездочками по обоим верхним углам, а в середине на контрасте выделялось ясное небо, с пробивающимися из ниоткуда лучами солнца. Цветовая гамма вызывала приятность, сразу ощущалось – так и нужно, естественно. Хотя осколки, или тессеры, как называл их парень, были из разных видов стекла, словно на витраже, не всегда имели ровную форму, отличались размером, иногда кололись острыми углами. Но их разность нивелировалась грамотным расположением и плотной стыковкой друг с другом. Изредка парень пользовался тяжелым, похожим на садовнические ножницы, инструментом для отколки ненужных частей от тессеров.

Со всеми деталями парень обращался, как с хрустальными бабочками. И с воодушевлением пояснял весь процесс создания мозаики. Чувствовалось, что он хорошо разбирался в теме и набил уже немало шишек, потому теперь мог учить и Татьяну.

Это муторное занятие парню явно нравилось. Он щепетильно относился к мелочам и требовал того же от Татьяны в шутку ругая за каждую оплошность, но не уставал повторять одно и то же, а иногда, если получалось, переделывал за

ней. Мелкая мозаика требовала хорошей моторики. Татьяна в академии на занятиях лепила из глины фигурки, но ей все равно с трудом удавалось быть аккуратной.

– Почему ты этим занимаешься? – спросила она, в очередной раз неудачно положив тессер на пленку.

– Наверно, потому что нравится, – усмехнулся парень. – Вот ты балетом почему занимаешься?

Он поднял глаза с плиточки, площадью в один квадратный сантиметр, от которой только отколол острый угол, и посмотрел Татьяне в лицо. Она вздохнула. Теперь и сама не могла ответить на этот вопрос.

– Наверное... из-за мамы...

Парень подарил ей понимающий взгляд и снова переключился на плитку. Татьяна смотрела в ящик со стеклышками голубого цвета, которые должны были превратиться в небеса на картине. Вспомнила о маме и снова опечалилась. Но процесс укладывания мозаики завлекал и не давал мрачным мыслям застаиваться.

Сейчас ей было комфортно, уютно и даже интересно, несмотря на монотонность работы. В рутине кроилось успокоение. Хотя Татьяна знала, что мама обиделась и ругала ее всеми возможными матами, которые есть в русском, английском и французском языках, потому что хорошо говорила на всех трех.

– Можно сказать, я тоже начал этим заниматься из-за родителей, – прервал молчание парень и привлек рассеянное

внимание Татьяны. – Они часто ссорились, пока еще жили вместе.

Она прислушалась. Оба замерли. Парень думал, а Татьяна ждала дальнейших откровений.

– Мать в истерике била посуду. И не только, – на его лице проступила печальная усмешка. – Помнишь блюдо на кухне?

Она кивнула.

– Мать однажды и его разбила. Сервиз с этим блюдом им подарили на свадьбу. Дело уже шло к разводу, – парень вздохнул, будто переводил дух. – Мать тогда объяснила мне, что их брак разбился и что его уже не собрать, как и это блюдо, якобы поэтому они должны разойтись. Я, мелкий дурак, – он хмыкнул, пространно глядя в стену, – подумал, что если склею блюдо, то они останутся вместе.

Татьяна слушала, внимательно следя за выражением его лица, будто боялась пропустить важные эмоции. Парень почти никак не выдавал себя, только делал внезапные короткие паузы, хмурил брови, вздыхал, а потом продолжал спокойным тоном.

– Я собрал все-все осколки до единого и аккуратно их склеил обратно. Это стоило мне много крови, труда и времени, но я очень не хотел, чтобы они разводились. Ну вот, склеил и принес им это блюдо, довольный собой, думал, спас семью, – он снова усмехнулся. – Они рассмеялись оба. И действительно, на какое-то время это помогло. Но ненадолго.

Наступила короткая пауза. Татьяна поджала губы, не зная,

нужно ли ей что-то отвечать, задавать вопросы или высказать как-то иначе свою поддержку, поэтому она молчала в растерянности. А парень снова заговорил.

– Через год они развелись. А в течение всего года ругались и били посуду. Я собирал все осколки и просто, чтобы отвлечься, склеивал их обратно в предметы. Сначала старался вернуть форму, но это редко когда удавалось сделать полностью, какие-то осколки пропадали, какие-то были слишком мелкими. И я начал собирать из них другое. Родители разошлись, а хобби осталось. Хоть что-то хорошее от них осталось помимо квартиры.

Он снова выдавил мелкий смешок, выбирая из ящика подходящие белые стеклышки для световых лучей.

– Они... умерли? – с осторожностью спросила Татьяна, не зная, как лучше сформулировать такой вопрос.

– Нет. Батя живет в другой стране, мать – в другом городе. У каждого своя жизнь.

– Бросили тебя?

Она вылупила встревоженные глаза. Ей казалось такое диким и невозможным.

– Нет, конечно, – парень улыбнулся. – Они постоянно меня делили, ругаясь. Я жил то тут, то там, пока не надоело. Мы когда-то все вместе жили здесь. После развода батя уехал сначала в Москву, потом в Финляндию. Мать повторно вышла замуж, снова развелась и в итоге тоже уехала в Москву. А я остался здесь. Учиться.

Татьяна промычала, кивая, поскольку не знала, что еще тут можно добавить.

– Предваряя твои расспросы, сразу скажу, что мы общаемся. Но сейчас я живу полностью самостоятельно.

Он снова склонил голову и наклеил выбранные стеклышки. Татьяна поняла, что продолжать тему бессмысленно, но и начинать новую не умела. Ей никогда не удавалось легко перескакивать в разговоре с одного на другое, поэтому она молча повторяла за ним. Через какое-то время парень сам заговорил о мозаике. Рассказывал, какие бывают техники, какие мастера ему нравятся, критиковал мозаику на вновь построенной станции метрополитена, а старую, еще советскую, наоборот, расхваливал. Татьяна его внимательно слушала, хотя история русской школы мозаики ее мало интересовала и вряд ли когда-либо могла пригодиться.

– А что мы сейчас делаем? – спросила она. – Что там будет изображено?

– Нуу, – парень надул щеки, не поднимая головы, – думаю, должна получиться планета, поделенная на участки, как бы сектора, которые страдают от всякого, типа катаклизмов. А один сектор будет нормальный, где все хорошо. Его мы как раз клеим.

Он указал на три верхние линии голубого цвета, к которым Татьяна только что присовокупила еще один осколок.

– И что это значит?

– Не знаю, – вздохнул парень. – Меня на это вдохновила

одна статья по экологии. Суть в том, что планета все равно круглая и не получится на ней сделать в одном государстве эко-рай, а в другом эко-ад. Все взаимосвязано. И только всеобщая солидарность может спасти планету. Пока пытаются лишь немногие. Все остальные живут так, будто уверены, что их это не коснется. Я не знаю, отчего, может, кругозор ограничен, или просто пофиг.

Он слегка поморщился на последней фразе.

– Я хотел изобразить этот ограниченный кругозор и нездоровый пофигизм. Типа в этом секторе полная безмятежность, а во всех остальных – тотальная разруха. Но все равно разруха и сюда доберется, потому что планета круглая. И мнимая безмятежность обернется кошмаром.

Татьяна посмотрела на него с интересом, приложив указательный палец к губам, и закивала. Она не разбиралась в проблемах экологии, но объяснял он доступно. С этой идеей трудно было спорить, да и не хотелось. Ей показалось удивительным, что обычного бармена терзают такие вопросы.

Она взяла следующий осколок из ящика и спросила:

– А как назовешь?

Парень пожал плечами. Ей в голову пришла гениальная идея, которую она не преминула озвучить.

– Сектор Б – безмятежность.

Он взглянул в ее одухотворенное лицо и заулыбался. Татьяна посмотрела в ответ, нахмурившись, вопрошая без слов: «Ты сомневаешься?», а затем покачала головой, совсем

как индийцы, показывая, что лучшего названия ему не придумать. Парень откинулся назад, сложив руки на коленях треугольником, и посмеялся, мотая головой.

Они провели так несколько часов. За это время успели съесть по пачке картофельных чипсов, выпить целую упаковку апельсинового сока, посмеяться, поругаться и снова посмеяться. Татьяне давно не было так уютно. Особенно последний год. Она каждую минуту ощущала многотонную ответственность, что возложили на нее мама и академия. А теперь полностью расслабилась.

Когда Татьяна после очередного промаха, наконец, удачно положила стеклышко в нужное место, парень улыбнулся горделиво и снисходительно одновременно, как улыбается учитель, чей ученик достиг должного уровня мастерства, и протянул ей большую ладонь.

– Молодец. Растешь на глазах.

Татьяна тоже улыбнулась и мягко положила свою руку поверх. Он аккуратно и слабо сжал ее на секунду и выпустил, оставив теплый след на холодной коже. Пальцы его хоть и выглядели длинными и костлявыми, по ощущениям оказались мягкими. Татьяна даже пожалела, что пожатие продлилось так недолго.

Громкая рок-н-рольная мелодия ошеломила обоих. Парень машинально поднял трубку. Незнакомый номер его не смутил. Татьяна услышала, как мама аж задохнулась от такой неожиданности и какое-то время не могла ничего сказать.

– Я мама Татьяны, она с вами сейчас? – говорил уже собранный, но все еще взволнованный голос.

– Д-да, – растерялся парень и с ужасом посмотрел во встревоженные глаза Татьяны.

Она вырвала у него телефон и сразу начала оправдываться, путаясь в словах.

– Мам, это то, что... то есть... это не что... это не то... ты не так подумала!

Телефон дрожал в тонких пальцах.

– Видимо, я как раз все *так* подумала! – грозно нажала мама. – Так и знала! Так и знала! А, ну, быстро дуй домой! Нам предстоит серьезный разговор!

Пошли короткие гудки. Татьяна опустила плечи, тяжело вздохнула и посмотрела на парня.

– Вызови мне такси, пожалуйста, – с неохотой выговорила она и начала собираться.

Пока Татьяна переодевалась в ванной, парень выполнил ее просьбу. Такси должно было приехать через пять минут.

– Чего она так взбесилась? Ты что встречаться, например, ни с кем не можешь? – парень наблюдал, как Татьяна расчесывает пальцами волосы у зеркала в прихожей.

Она собрала их в аккуратный пучок и натянула поверх желтую шляпу, в которой, как только что осознала, действительно, походила на подсолнух.

– Дело не в этом... – ответила неуверенно, стараясь не смотреть на него. – Просто я впервые ночевала вне дома. И

даже не у подружки. А, вообще, у какого-то незнакомого парня из первого попавшегося бара. Не могу же я признаться, что напилась до такой степени, что потеряла сознание и незнакомец увез меня к себе домой. Представляешь, как это будет выглядеть в ее глазах? Я ведь... я ведь даже...

Она смутилась, опустила взгляд на глянцевые пуговицы плаща, чтобы скрыть стеснение, и с трудом их застегнула.

– ...ни с кем не целовалась, а тут целая ночь... Она мне не поверит, что... ничего не было.

– Ну, я могу это подтвердить.

– Тем более не поверит! – с чувством воскликнула Татьяна.

– Странная у тебя мать.

– Просто она очень заботится обо мне. И беспокоится.

– Мне кажется, ты путаешь заботу с гиперопекой.

Приложение такси прислало уведомление, что машина ожидает пассажира. Татьяна быстро впихнула ноги в балетки, схватила сумочку, проверила, не забыла ли чего-нибудь, и направилась к двери. Но перед самым выходом вспомнила, что не поблагодарила его, и обернулась.

– Спасибо тебе за все, – улыбнулась искренне.

– Да не за что, – парень просто пожал плечами.

Сказать ей было больше нечего, но несколько мгновений она ждала от него каких-нибудь действий. В романах мужчины всегда останавливали своих женщин, любая сцена прощания превращалась в драму со слезами и криками, сомнениями

ями и неловкостями, а он был абсолютно спокоен и не походил на нерешительного человека, который хочет что-то сделать, но не может. Татьяна поняла, что ничего не дождется, поэтому развернулась и вышла из квартиры. Не без досады.

Глава 2. Секс, кино и мозаика (4)

Пока ехала в такси, Татьяна испытывала относительное спокойствие. Хотя с тяжестью в груди думала о том, что и как говорить маме, пыталась придумать более-менее адекватное оправдание всему, что с ней случилось за последние сутки, хоть как-то смягчить проступок, но ничего гениального в голову не приходило. Доехала она быстро. Даже не сразу поняла, что уже находится в своем дворе, пока таксист специально это не обозначил. Тогда она потянулась за кошельком.

– Сколько с меня?

Водитель посмотрел недоуменно, мигом взглянул на телефон и снова непонимающе уставился на нее.

– Сколько стоила поездка? – уточнила Татьяна, раздражаясь его несообразительностью.

– Ну, триста сорок девять рублей. Но... так у вас же через приложение по карте все оплачено.

– Да? – скорее себя, чем его, спросила она и поняла, что бармен, получается, оплатил ей такси. Маленькая улыбка промелькнула на ее лице, но тут же исчезла.

Она освободила салон и направилась к подъезду. Только тут ее охватила паника. В горле снова образовался ком, руки задрожали, ноги стали подкашиваться, сердце неистово колотилось. Мозг, наконец, начал судорожно придумывать, что сказать. Времени оставалось мало. Ссылаться на подру-

жек уже было поздно – мама их уже допросила. А больше у нее никого и не было. Отчаяние опутало сердце.

В самый последний момент, когда Татьяна стояла у двери квартиры и мялась, боясь войти, одна идея на ум все-таки пришла.

С трудом попав в замочную скважину ключом, Татьяна открыла дверь. В квартире, как обычно, пахло чем-то странным и кофе. Мама всегда оставалась собой. Что бы ни творилось, она никогда не забывала ухаживать за собой, тренироваться и готовить. Эти три фундаментальные вещи она выполняла всегда, как самые жизненно необходимые. Такой у нее был характер. Этому она научила и Татьяну.

А сегодня Татьяна впервые вышла из привычного графика и ей понравилось. Но за все приходилось расплачиваться.

Татьяна стояла в прихожей, понурая, виновная по всем пунктам, склонившая голову, даже не сняла шляпы. Мама вылетела из кухни пулей и молча, но очень грозно смотрела на нее в упор – ждала оправданий, а Татьяна ждала допроса. Так продолжалось минуту.

– Ну, и как ты это объяснишь, Куколка? Кто этот молодой человек? И где ты шлялась со вчерашнего вечера? – мама оперлась плечом о дверь в ванную, устрашающе скрестив руки на груди.

Худое лицо блестело от тонкого слоя маски, краешки которой уже подсыхали и отклеивались от кожи. Домашнее цветастое платье свисало до колен, чуть развеваясь, а мор-

дочка львенка на носке пушистого тапка слегка подрагивала – мама нервно топала ногой. Платье накрывал фартук, испачканный во всем том, что когда-либо находилось на кухне, но больше в муке.

– Я-я... я ночевала у Муравьевой.

– Что?! – мама разинула рот. Муравьеву она терпеть не могла. За талант.

Только увидев алую ярость в бесцветных глазах, Татьяна осознала, что идея вышла провальной. Уж лучше бы она сказала правду, чем призналась в связи с Муравьевой.

Мама завертела головой в стороны. Взгляд метался по кругу. Татьяна с опаской наблюдала за ней, щурясь и съезживаясь.

– А кто тогда это был? Муравьева уже с мужчиной живет? О боже! И ты с такой водишься! – на щеках блеснула маска, а в глазах – ошеломление. – Почему ты к Даше не пошла? Или к близняшкам?

– Не знаю... Просто... было стыдно.

– А в притоне этой Муравьевой тебе не стыдно было оставаться?

Мама взвинтила руку чуть ли не до потолка. Татьяна вздохнула.

– И почему ответил этот парень, а не сама Муравьева?

Вопросов было еще много. Татьяна досадовала, что так плохо продумала историю. Приходилось сочинять на ходу, еще больше запутываться во лжи.

– Это не ее мужчина, а всего лишь брат. Он мне любезно одолжил телефон, чтобы я позвонила тебе. У Муравьевой баланс ушел в ноль.

– И этот брат к тебе не приставал?

Мама шагнула вперед и впиалась сканирующим взглядом в лицо Татьяны.

– Что ты?! Нет, конечно! – она вытянула шею и приложила шляпу к груди обеими руками в жесте мольбы для пущей убедительности. – Там же Муравьева была.

– Смотри у меня! Будешь еще водиться со всякой шелупонью! – указательный палец погрозил Татьяне перед самым носом.

Она скосила глаза к центру, думая, что, скорее, сама походила на шелупонь для Муравьевой.

– И если я позвоню, Муравьева подтвердит твои слова?

Мама топнула тапком и прищурилась с подозрением, да так, что у Татьяны нутро завернулось узлом. Она, собственно, надеялась, что как раз Муравьевой мама звонить не станет из неприязни, но ситуация явно вынуждала действовать радикально. Деваться было некуда.

– Да, – она попыталась скрыть дрожь в голосе, а сама вжалась в дверь.

Еще минуту встроенный в маму детектор лжи изучал ее, шупал под кожей, бил слабым током в каждую пору. Татьяна едва держалась на ногах, но глаза не уводила. Боялась даже моргнуть, чтобы не выдать себя.

– Ладно. Давай ее номер. Позвоню, – мама протянула раскрытую ладонь.

Ва-банк не сработал. У Татьяны опустились плечи. Губы плотно сжались. Отчаяние подпирало легкие, заполняло глотку, лишало мозг необходимого кислорода. Казалось, напряжение достигло предела, и сосуды должны лопнуть. Но Татьяна, внутренне смирившись со своим апокалипсисом, достала телефон из кармана и вложила его в мамину руку. Сама себе выстрелила в голову.

Мама хмыкнула и отправилась в Татьянину комнату, чтобы подключить его к зарядному устройству. Когда система загрузилась, она нашла в контактах телефон Муравьевой и набрала ее, специально включив громкую связь. Не решаясь войти, Татьяна заглядывала в проем двери. Шляпу уже свернула трубочкой и сжимала, насколько хватало силы.

Когда послышался тонкий голос Муравьевой, Татьяна окаменела. Сердце репетировало смерть – перестало биться на несколько мучительных мгновений.

– Лена, здравствуй, это мама Тани, Аделаида Николаевна, – заговорила она приторным тоном, как делала всегда с малознакомыми людьми. – Таня мне сказала, что ночевала у тебя и твоего брата. И забыла поблагодарить вас за гостеприимство.

– Ээ... – Муравьева пару секунд висла, на мамином лице уже стали проявляться искорки гнева. – Да ничего. Передайте ей, что все в порядке. Мы были рады помочь.

Татьяна выпучила глаза и тут же спряталась за дверь, поняв, что страшная участь ее миновала. Проверка пройдена. И сердцу снова можно биться. То взорвалось тысячей ударов разом.

– Очень мило с вашей стороны, – фальшивила мама. – Благодарю и я вас. От всей души.

– Пожалуйста, – в голосе Муравьевой смешались одновременно недоумение и вежливость.

– До свидания.

Мама завершила вызов и мотнула головой, словно сбросила лапшу с ушей.

– Что ж, – звучало, как обвинение.

Татьяна снова выглянула из-за стены и посмотрела на маму уже с улыбкой, но все еще сконфуженной.

– Надеюсь, никакой подоплеки у этой истории нет.

– Мамочка, ну, конечно, – Татьяна кинулась в комнату и залепетала. – Прости меня, мам, пожалуйста... Мне было очень стыдно, что я провалила экзамен. Это было так... – на этом моменте у нее ком застрял в горле, и из глаз неконтролируемо прыснули слезы.

Продолжать она не могла. Из груди вырывались рыдания, по щекам текли соленые ручьи, стало тяжело дышать носом. Мама смотрела на это сурово с полминуты, но все-таки смягчилась и обняла ее.

– Не плачь, Куколка, мама все уладила. Прохоров признал, что погорячился. И дал тебе шанс выступить в выпуск-

ном спектакле.

Татьяна разрыдалась еще сильнее.

– Прости, я тебя подвела. Я не хотела. Я так волновалась... Для меня это было так важно, а они... Они смотрели на меня, как на пустое место. А Муравьевой, как всегда, аплодировали.

– Ничего, ничего, – приговаривала мама. – На выпускном спектакле себя покажешь. И больше не скрывай от меня ничего. Ты же знаешь, я этого не выношу. И тем более, если у тебя что-то не получается, ведь я могу помочь. Как с экзаменом, например. Хорошо, что я Даше позвонила вовремя, и сразу набрала Прохорова. А то сегодня было бы уже поздно решать этот вопрос. Ты меня поняла, Куколка?

– Поняла, – проямлила Татьяна, вытирая сопли. – Я больше не буду так.

– Вот и отлично. А чтобы тебя ничто не отвлекало, до спектакля без интернета!

– Ну, маам, – Татьяна протянула слова с ноткой ненастоящей обиды. На самом деле, она даже обрадовалась, что отделалась таким легким наказанием.

Мама еще раз крепко ее обняла и отвела на кухню, где их ждал уже остывающий черничный пирог с творогом. Выпечка у мамы получалась изысканной. Татьяна всегда поражалась, почему она не стала пекарем, ведь так это любила. Готовила всегда: для развлечения, для расслабления, для себя и для других. Но почему-то связала себя балетом, в котором

целую декаду танцевала в кордебалете, а потом пошла преподавать в хореографическую студию. Пару лет назад стала директором, но почему-то не считала для себя это успехом, ведь родители умерли еще тогда, когда она плясала на окраине сцены в массовке, и потому клеймо неудачницы осталось выжженным на ее сердце навечно. Так она выражалась сама иногда, когда позволяла себе в пятницу вечером пропустить пару бокалов вина.

Сегодня, в канун понедельника, она тоже позволила себе немного расслабиться. Татьяна пила чай с пирогом. А мама, как обычно, сидела на новомодной диете и потому только пила. Пила и рассказывала. О своем детстве, юности, молодости. Мечтах и амбициях. И о том, как они не сбылись.

– До тебя я думала, что уже никого и никогда не полюблю, но с тобой, Куколка, мир перевернулся. Ты такая масенькая была. И моя родная.

Мама стиснула Татьяне плечи и стала покачиваться на диванчике, на котором они сидели. Татьяна любила обниматься, потому что чувствовала себя так в полной безопасности, как в скорлупе, и расслабленно положила голову на мамино плечо.

– Я только с тобой поняла, в чем смысл моей жизни, – мама всхлипнула. Влажные губы чмокнули Татьяну в лоб со звуком, а рука растрепала волосы. Только винное дыхание портило момент.

– Куколка моя, – с нежностью протянула мама, – ты у ме-

ня самая талантливая. А эти... маразматика старые уже и не видят ничего толком, – в голосе стала скапливаться злость. – Чуть не загубили твое будущее, мерзавцы! Это наверняка Сурканова, подлюка эдакая, давно меня невзлюбила! И Прохоров тоже хорош!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.